

Игорь Середенко

Письма из почтового ящика

Это была жестокая война, бойня, в которой героями становятся не солдаты, а лишь дети.

1

Это было неподалёку от небольшого городка, который назывался Счастье. Только это название не принесло удачи жителям.

Пленных везли в фургоне, вместе с трупами. Тела погибших накрыли тентом, но во время тяжёлой езды по ухабам размытых, проутюженных снарядами деревенских дорог, тент в нескольких местах сполз, открыв устрашающую картину.

Молодой мужчина тридцати двух лет, попавший в бой первый раз, из которого он запомнил лишь дым, огонь и боль, жуткую боль в кисти, — ему оторвало три пальца, — держась за больную руку, прижимая её к груди, с ужасом в полумраке смотрел на кровавое лицо молодого парня лет двадцати. Череп погибшего солдата был вскрыт, как консервная банка, неумелой рукой, — мозга внутри не было, лишь какие-то висящие на

порезанной коже розово-красные кусочки человеческой ткани, которая когда-то была мозгом. Глаза несчастного были широко открыты и отражали весь зловещий ужас кровавой бойни, которую мгновенно успел сохранить мозг, отражая этот миг в глубинах памяти. Сработал лишь рефлекс, уступая смерти, но не сохраняя её мертвенный запах. Его молодые, здоровые белые зубы были испачканы каплями всё ещё стекающей крови. Кто-то из победителей шутил над трупом, проклиная его, окутывая бранью и позором.

Степан с ужасом перевёл взгляд с трупа на пленных, своих боевых товарищей, которые ещё ночью были смелы, бодры, и даже шутили. Теперь их лица нельзя было узнать: понурые, измотанные, смертельно утомлённые, с ожогами на всём теле, искалеченные, как и он, глаза перепуганные, уже почувствовавшие зловещий ужас, вселившийся в их сознание, сковавший их волю и сжимающий их сердца.

После этой долгой молчаливой пытки, машина, наконец, остановилась. Послышались бойкие голоса, заскрипел засов, и отворилась дверь фургона, яркий белый свет резанул по глазам.

— Быстро, быстро вылазьте! — требовательно кричал голос. — Все, суки, выползайте, приехали!

Степан слышал ещё голоса, украшенные отборной бранью победителей и подогретые лютой

ненавистью.

Всё зашевелилось, закрутилось, кто-то толкнул его в бедро. Больная нога, вывихнутая в области стопы, взвыла, но он промолчал, издав лишь тихий стон, утонувший внутри него. Сейчас страх управлял им, страх оказаться на месте того несчастного деревенского парня, которому едва исполнилось двадцать лет, который, вероятно, не испытал первой любви, не гладил по головке своего новорожденного ребёнка, которому уже никогда не пройти свою жизнь до старости, ибо она внезапно оборвалась в самом соку, в начале взросления.

Когда Степану, всё ещё прижимавшему к груди раненую руку, удалось выбраться наружу, он вдруг почувствовал под ногой что-то мягкое, податливое, вязкое, словно снег или желе. Опустив голову и приподняв ногу, он некоторое время рассматривал раздавленный его ботинком, какой-то розовый, с волнистыми бугорками предмет, напоминавший мякоть белого хлеба, окрашенного розовым оттенком, выпавшего, вероятно, из фургона. Лишь когда его кто-то толкнул в спину, пытаясь вылезти из машины вслед за ним, он с ужасом догадался, что эта часть человеческой ткани когда-то называлась мозгом, а теперь втоптана в землю.

Они рысью, кто хромя, издавая стоны, подгоняемые задорным свистом, прикладами и

матом, проследовали к какому-то пятиэтажному дому, где их остановила группа вооружённых людей. Молодой, красивый парень, лет двадцати пяти — тридцати, остановил колонну из восьми пленных, жестом руки. Его блестящие смелые глаза, властный взгляд и повелительный голос выдавали в нём командира, хозяина, от которого зависело всё, в том числе и жизни пленных.

Кто-то из пленных не мог устоять на раненой, изливавшейся кровью ноге, и тихонько облокотился спиной о ствол дерева. Острый орлиный взгляд командира это мгновенно заметил.

— Тварь! Встать на ноги! — закричал он, и, подбежав к пленному, со всей мочи ударил его ногой по бедру, отчего тот взвыл, упал, но потом, чувствуя, свою скорую смерть, если он тут же не встанет, поднялся и присоединился к остальным пленным, выстроенным в шеренгу.

Хмурое утро пахло землёй, сыростью и дымом. За городом, где начиналась роща, а за ней поля, низко разлился серый туман, подползавший к разбитому от артобстрела городу. Стены уцелевших зданий были выщерблены, изуродованы многочисленными осколками и пулями.

Пленные, с опустившими головами, напоминали группу безвольных овец, которых вели на бойню. Молодой человек, с орлиным взором, горящими глазами, с соколиным красивым носом, с

чёрной копной кучерявых волос, медленно прохаживался вдоль выстроенной шеренги пленных, казавшимися какими-то убогими, помятыми, податливыми и напуганными. Весь его подвижный темперамент впился глазами в Степана, слегка опустившегося на ногах, — от жуткой ноющей боли в голеностопе, он стоял на одной ноге, да и ту согнул, отчего она дрожала, про боль в онемевших пальцах он уже забыл, — страх, видимо, притупил её.

— Что, б...дь, согнулся! — заорал молодой командир.

Он мигом подскочил к Степану, вцепился в его челюсть правой рукой и сильно сжал её. Но Степан и этого не почувствовал, потому что теперь страх сковал всё его тело. Держа Степана за нижнюю челюсть, командир побеждённых выпрямил его.

— Стоять смирно, когда с вами разговаривает Арсен! — властно потребовал молодой человек.

Только теперь Степан, родившийся в селе, выросший и живший там всю свою тридцатилетнюю жизнь, ни разу не побывавший не только в других странах, но и в крупных городах Украины, увидел отличительную нашивку, погоны того, кто его допрашивал.

— Стоять, не двигаться, падло! — Видя, что пленный подчинился, Арсен обратился ко всем

восьмерым пленным:

— Итак, я в последний раз спрашиваю. Все меня узнали? Я Арсен!

Кто-то из пленных тихо сказал, что узнал его, кто-то покачал головой, в знак согласия, кто-то промолчал.

— Все узнали меня, суки?! — продолжал молодой человек. Было видно, что молодому человеку льстило, что его узнали, на его строгом, полном ненависти и презрения лице, засияла улыбка.

— Узнали, твари, — самодовольно сказал он.

Арсен подошёл к одному из пленных, вынул длинный нож, висевший у него на кожаном поясе, и стал срезать нашивку у пленного. Нашивкой была небольшая жёлто-голубая бирка. Оторвав, отрезав её от гимнастёрки, он строго приказал голосом, нетерпящим возражения:

— Открой, сука, рот!

Пленный подчинился. Молодой человек всунул ему в рот бирку.

— Жри, сука, тварь!

Потом он проделал тоже самое с другими пленными. И тут его ненависть и злоба наткнулась на мужчину лет сорока пяти, плотного телосложения, с твёрдым взглядом, как будто ещё не покорённого, не сдавшегося. Смелость в его глазах удивила и возбудила в Арсене животный

интерес.

— Кто по званию?

Нашивок у пленного великана не было. Он молчал. Тогда Арсен вынул пистолет и со всей лютой злостью, размахнувшись, ударил пленного в лицо, от которого тот отлетел на шаг в сторону, но потом поднялся и стал в строй. Мужчина сперва увидел искры, потом темноту в левом глазе, затем короткую боль, после которой вся сторона онемела.

Молодой человек взял у кого-то из подчинённых, которые стояли полукругом, длинный меч в ножнах. Вынул его, блестящее серебром, лезвие, и подвёл остриё к шее пленного. Слегка поводит у вздувшейся вены, потом опустил меч, трогая осторожно ногтём его заострённую сторону так, что бы пленный видел это.

— Кто по званию, последний раз...

— Майор, — тихо ответил пленный гигант.

— Ах, майор?! — с удивлением сказал молодой человек, с ехидной улыбкой оглядываясь на своих ребят, стоящих позади него полукругом, в ожидании его решения. — А я кто, знаешь?

— Да, ты майор ДНР, с позывным «Арсен».

— Верно, — он вновь обернулся к своим ребятам, улыбаясь, что мог разговорить молчуна. — Что, падло, ты тут делаешь? Зачем, тварь, ты припёрся сюда?

Арсен вынул свой паспорт и показал

пленному.

— Вот, гнида, гляди, гляди в оба глаза, пока они у тебя есть. Я житель Донецка, и я охраняю жителей от такой мрази как ты. Сколько по твоему приказу погибло мирных жителей, мразь? Стрелял?! Отвечай!

Он замахнулся, чтобы ускорить ответ, мужчина закрыл левый глаз, в ожидании повторного удара.

— Да... мне... приказали... — неуверенно, сказал пленный.

— Приказали?! А голова где? Ты же знал, что здесь люди, мирное население: старики, женщины и дети.

— Да в расход их! — крикнул кто-то позади Арсена.

— Это не люди, — слышался другой голос.

— Откуда ты? — спросил, строго Арсен, буравя его своим острым взглядом.

— Из Житомира, — ответил пленный, склонив голову.

— В глаза, в глаза, тварь, гляди! — закричал молодой командир, схватив пленного за горло. — Я поеду к Житомиру и буду убивать, и ты узнаешь, что такое ад, сука! — закричал он в ярости, его лицо побагровело.

Мужчина смутился и вновь его голова повисла.

— В глаза, гнида, смотри!

На этот раз пленный сразу повиновался, тут же подняв голову.

— Майор, сколько тебе платят?

— Восемь тысяч гривен, — тихо ответил майор.

— Что?! — спросил Арсен, словно не расслышав. — А сколько шахтёр на Донбассе получает, ты знаешь, сволочь?...

Наступила минутная пауза. Арсен прохаживался вдоль шеренги пленных, как тигр перед охотой, казалось, что он размышлял об участии пленных. Каждый его шаг, раздражённый взгляд в сторону пленных вселял в них страх за свою жизнь. Именно от его решения, от решения этого импульсивного молодого человека, которому ещё не исполнилось и тридцати лет, зависела жизнь восьмерых мужчин.

Внезапно он остановился напротив Степана, который к тому времени стал чувствовать жгучую боль в правой кисти, где на обрубках трёх пальцев закипела кровь. Он по-прежнему прижимал раненую руку к груди, словно не хотел с ней расставаться.

Полузвериный, полусумасшедший взгляд Арсена впился в искривлённое лицо Степана, у которого ныла нога, и поэтому он слегка то сгибал её, то выпрямлял.

— Что ты мнёшься?!

— Нога болит, — признался Степан.

— Как зовут?

— Степан Егоров, рядовой.

— Что делаешь здесь?!

— Привезли... ночью... — сбивчиво отвечал Степан, от страха всё похолодело, пальцев он уже не чувствовал.

— Дальше! — сказал Арсен, положив меч на плечо.

Они стояли друг напротив друга, лицом к лицу: раненый, измождённый болью и страхом, сжавшийся, сутулый, дрожащий, и смелый, гордый, сильный, расставивший ноги, твёрдо стоящий, с мечом на плече, не сводивший с пленного ястребиный взор.

— Говори, я слушаю, — немного смягчившись после майора, сказал Арсений.

— Сказали... что раненых... отвезти... забрать надо.

— Раненых?

— Да, но потом... оказалось, что никаких раненых там нет... — дрожащим, подавленным голосом сказал Степан. — Лишь убитые. И... нас... нам приказали...

— Что, что приказали? Не бубни. Говори, чтобы все слышали.

— Приказали идти... в атаку, — завершил

свой рассказ Степан.

— То есть они вас бросили, ваше руководство кинуло вас. Что вы искали здесь? Что вам надо от нас? — два вопроса он задал всем восьмерым.

Все молчали, опустив головы. В этой минутной тишине были слышны, как падали тела погибших, которых двое солдат вываливали из фургона в кучу. Обезображенные тела напоминали какого-то зловещего монстра, которого порубили мечами на части. Это были молодые ребята, нашедшие на своей же родной земле, лютую смерть, которая неожиданно стала финалом их короткой жизни.

Арсен посоветовался с каким-то бородачом невысокого роста, потом его затуманенный раздумьями взор быстро прояснился.

— Ладно, грузи их обратно, — скомандовал он своим подчиненным.

— Куда их? — спросил шофёр.

— На площадь, в центр. Пусть люди их судят. Те самые женщины и старики, по которым вы стреляли, — сказал он пленным, подталкивая их в фургон.

На площади, где столпились уцелевшие жители — женщины и старики, пленных прогнали по кругу, по кругу позора, сопровождая их словами ненависти и острыми взглядами призрачного. Солдаты охраняли пленных от самосуда. Женщины

истерически кричали, истошно плакали, старики с отвращением и ненавистью смотрели на пленных, хромающих по кругу, томно шедших с виновным взглядом, с опущенными головами, лишь изредка оглядываясь и тут же пряча голову, защищая её руками от ударов не удержавшихся стариков, не справившихся с чувствами женщин, накинувшихся со слезами на пленных.

Истеричные крики женщин врезались в сжавшиеся сердца пленных, причиняя им боль в сто раз большую, нежели физическая.

— Твари! Нелюди! Убийцы! — слышалось повсюду.

Троим женщинам и старику удалось пробиться сквозь жидкий коридор конвоя, и они мёртвой хваткой вцепились в тело пленного майора. От сыплющихся со всех сторон ударов он упал на колени, повалился набок, его стали пинать ногами. Но быстро всё прекратилось, — вмешалась охрана. Майора, которого жителям удалось не только поколотить, но и оттащить от колонны пленных на пару метров, с трудом отняли у напавших и втиснули в небольшой автомобиль, стоявший позади фургона, куда посадили пленных.

Ещё долго, до самой ночи в голове у Степана слышался вой и плач матерей, презрительные взгляды полные слёз, и слова разрывающие душу выворачивая её наизнанку: «За что вы нас

убиваете?!» А так же тихие слова майора, прячущего своё лицо и голову от ударов женщин: «Мне нечего сказать».

2

Спал Степан плохо, он уже знал, что его обменяют, освободят, что его жизни ничто не угрожает, но от волнений, от боли, от воспоминаний произошедшего, от того, что был на краю гибели, он ворочался на полу какой-то тёмной комнаты, куда привезли поздним вечером всех восьмерых пленных. Руку его перевязали, сделали укол от боли, для ноги ничего не сделали, сказали, что дома врач осмотрит. Сообщили, что наше командование согласилось на обмен пленными, и что мы все через пару дней будут на своей стороне.

В его голову, сквозь боль и стоны товарищей, лежавших рядом, робко просачивались давние воспоминания, согревающие душу. Степан собирал в памяти картины прошлых счастливых лет, когда жил в родном селе Никишино, где он играл с семилетним сынишкой, Витенькой, имевшего черты обоих родителей. Как они оба поехали на железнодорожную станцию, большую, чем их родная деревня с полусотней домов, как он купил для малыша конструктор — заветную мечту сынишки, как они оба с интересом соединяли части

разноцветного конструктора в единое целое, напоминавшее военного робота, изучая схему строения, а потом по другой схеме сделали машину зелёного маскировочного цвета. Вспомнил Степан и четырёхлетнюю доченьку, Машеньку, которой перед отъездом в армию подарил на день рождения резинового пупса с соской во рту, в розовом платице и тремя платьями для смены. Доченька была вылитая мать, — которой было тридцать лет, — курчавые рыжие волосы, большие зелёные глаза, стройная фигурка, крепкие крестьянские, милые ножки, гибкая стать. Вспомнил он ещё веснушки, когда впервые танцевал со своей Наташей на свадьбе. Отдельное воспоминание промелькнуло в его голове, и какой-то жгучей радостью разожглось в груди, когда он увидел, как его Наташа нежно прижимает к своей открытой, набухшей от молока груди маленький сопящий комочек, жадно впившийся в её розовый сосок. «Смотри, малыш, эта левая соска плачет и обиделась, что ты её не взял», — сказала Наташа, осторожно прижимая малыша к правой груди, где он жадно пил молоко. И действительно, Степан тогда заметил, как из левого набухшего розового соска каплями вытекало молоко.

В трясущемся поезде, где они ехали, возвращаясь на свою сторону, он не спал. Храп, стоны, солдатский пот прочно впились в уши,

ноздри, а кровавые картины войны надолго пропитали его сознание, оставляя там вонючий гнилой запах смерти, от которой ему чудом удалось ускользнуть, в отличие от пятидесяти ребят, которые до сих пор остались лежать на поле боя, гния на ветру, разлагаясь на чернозёме, вспаханном взрывами снарядов и пуль. Лишь с рассветом он пришёл в себя, глядя на цветущие улицы, дома, парки, где свободно, не прогибаясь, не прячась от ужаса, ходили, ездили люди.

На вокзале, куда они ввосьмером приехали, их встретила небольшая группа людей, где были военные и гражданские: начальство, командиры, чиновники, и простые люди, пришедшие посмотреть на освобожденных из плена, вернувшихся с другой стороны, воинов.

От долгого пути и бессонницы у него загудела голова, мысли путались. Встретил он военное начальство безрадостно, его сердце хранило какую-то скрытую тревогу, хоть внешне он старался улыбаться, но это была натянутая улыбка. Все вокруг него радовались освобождению: семьи, начальство, чиновники. Появились цветы, улыбки, счастливые лица, ведь весь ужас позади.

Полковник, а потом какой-то политик долго выступали, называя освобождённых героями, патриотами страны. После того, как полковник нацепил Степану на грудь медаль, он даже начал

верить всем сказанным на перроне словам. «Он герой! Он патриот!» Эти хвалебные выражения и высокие слова, сказанные так искренно каким-то политиком тронули его, он почувствовал в себе какие-то потаённые, неизвестные ему до этого силы. Ах, если бы всё это было сказано раньше, там, в плену, на той площади, в окружении тех плачущих жён, матерей, стариков, на том позорном кругу, где он, склоняя голову и пряча глаза от позора, от того, что ему нечего было сказать, плёлся, едва поднимая ноги. Тогда ему может, и не было так тяжело на сердце, когда оно плакало вместе с теми женщинами.

Находясь месяц в госпитале, в Киеве, он ещё не раз вспоминал тот плен, те слова проклятий, которые сыпались на головы пленным; но и хвалебные слова полковника и политика, не покидали его сознания. Все перемешалось в его голове. Так кто же он есть: герой или убийца, защитник своей родины и её граждан или ублюдок и тварь, которая безжалостно убивала мирное население на востоке страны, взбунтовавшееся против новой власти, пришедшей путём переворота? Кто же он? Там и здесь давали точный и неизменный ответ. Но он все же колебался, что-то внутри него не давало покоя. Как гражданин, которого призывали защищать родной край, он выполнял свой долг и все приказы своих

командиров, которые, в свою очередь, тоже подчинялись начальству, и тоже были защитниками; но, и как человек, у которого, помимо обязанностей, долга, был ещё и свой собственный мир, в который входит: совесть, любовь к семье, к детям, к своей родне, к родному селу, где он вырос, жил, любил, работал в поле.

Он не мог понять, как эти два слова: герой и убийца могли сочетаться в нём. Он прекрасно понимал значение каждого из них. Но он так же осознавал, что и другие люди, окружающие его тоже знают их смысл. Всю свою тридцатидвухлетнюю жизнь крестьянина он жил в мире и любви, в домашних заботах и тяжком труде, почему же теперь он вдруг изменился? Кто отобрал у него его мир и влил в него ненависть к каким-то людям, живущим на востоке, которых он даже не знал, которым приписали какое-то непонятное ему имя «сепаратисты»?

Разрешить эти вопросы, которых изо дня в день у него становилось больше, чем ответов, не смогли и в госпитале, где он общался с ранеными, многие из которых по своему решению хотели вернуться на линию огня, чтобы прогнать сепаратистов и освободить страну от врага. Некоторые бойцы, лёжа на койках, с перебинтованными конечностями, так горячо говорили о своём желании, что он начал забывать о